

Собеседование

НОВЕЛЛА

Патрик Нг Ка Онн (р. 1932) — малайский писатель. Кроме новелл, публиковавшихся в журнале «Юс» и «Янг малайен», написал также ряд сценариев для радиопостановок. Литературную деятельность сочетает с преподавательской. Рассказ «Собеседование» отражает трагедию малайской интеллигенции, которую долгие годы колониального господства оторвали от родного языка и национальной культуры.

ОФЕР дал полный газ, машина пронзительно и испуганно взревела, карабкаясь вверх по крутому склону.

Сидя позади шофера, он разглядывал его затылок. Воротник рубашки цвета хаки слегка потерся по краям, но зато рубаха-то его собственная, купленная на свои деньги. Интересно, сколько зарабатывает шофер? Долларов девяносто в месяц. Ну от силы сто...

Он оглядел манжеты своей белой накрахмаленной рубашки, тщательно отутюженные белые брюки, начищенные до блеска туфли. Все это только витрина, фасад, прикрывающий горький стыд и страдания, которые причиняет ему тягостная милость отца, его обидное снисхождение. Все, что на нем надето, все, что у него есть, — отцовское. Даже самое его существование зависит от отца. Поджав губы, он смотрел в окно.

За деревьями, высаженными вдоль дороги, мелькали какие-то здания, но ему были видны только крыши. Потом показалось несколько вывесок: «Отдел радиовещания», «Профсоюзная консультация», «Управление по делам местного населения». В отделе радиовещания у него был друг, но они не делились давным-давно — года три, должно быть. Ему даже от друзей пришлось отказаться: он не мог себе позволить угостить их чашечкой кофе, не мог приглашать время от времени в кино или на концерт, делать им на рождество и в день рождения маленькие подарки, как это водится между приятелями.

Машина редела так громко, что казалось — мотор вот-вот взорвется.

Он задержал дыхание — наверное, шофер сейчас сбавит газ. Но автомобиль продолжал взбираться вверх, мотор редел все пронзительней. Вот сейчас он дойдет до предела... Сейчас... Вот сейчас...

Ему пришлось отказаться от мечты о беззаботной жизни художника-экзистенциалиста. Не под силу одному человеку воевать против целого света. Как он был уверен и полон надежд четыре года назад, когда принял свое решение! Он станет художником, будет писать сногшибательные картины, и весь мир заговорит о них. Но не прошло и года, как его счет в банке уменьшился почти втрое. Казалось бы, это должно было его образумить. Но нет. «Продам парочку холстов и возьму все, что потратил», — думал он. Остановка была за малым — его картины никого не интересовали, а если кто и смотрел на них, то никак не мог взять в толк, что же, собственно, хотел выразить художник.

Он жил отшельником, растерял всех друзей. Не жизнь, а бессмысленная мука. Он голодал. Холсты получались скучные, отчасти из-за того, что приходилось писать дешевыми красками, но главное потому, что он был болен. Эта экзистенциалистская жизнь вконец его измотала.

Когда на текущем счету остался один доллар девяносто три цента, он вернулся в семью. Отец принял его довольно снисходительно — если учесть, что в свое время, решив покорить мир искусства, он ушел из дому против отцовской воли.

— Можешь жить в своей прежней комнате. Будешь получать еду, одежду, все необходимое. Но на расходы — ни гроша. Если захочешь что-нибудь купить, спросишь меня: я сам буду решать, что тебе нужно, а что — нет. Но одно запомни твердо. Ни холстов, ни красок покупать я тебе не стану. Так что не трудись ко мне обращаться за этим.

И вот он снова ест досыта, одежда его уже не пестрит живописными заплатками, волосы, ниспадавшие прежде на воротник, теперь аккуратно подстрижены. Физически он чувствует себя несравненно

лучше, чем в те дни, когда питался только хлебом и сардинами. Но сознание зависимости, невозможности стать на ноги тяжело давило его. Душу разъедали мучительные сомнения: а не предал ли он свое истинное «я», бросив живопись?

На днях он с отчаяния написал в отдел найма государственных служащих с просьбой дать ему место конторщика. Конторщик!.. В углах его рта легли горькие складки.

Открыв искусно разукрашенную папку, лежащую рядом на сидении, он еще раз перебрал свои документы. Свидетельство об окончании школы при монастыре св. Иоанна (поведение — отлично; примечание: проявлял интерес к дебатам, концертам, художественным выставкам; спорт — прочерк); метрика (в декабре ему исполняется двадцать три года — треть жизни уже позади); уведомление о сегодняшнем собеседовании с отборочной комиссией.

Он поднял глаза — как раз вовремя, чтобы заметить промелькнувшую надпись «Отдел найма государственных служащих» и красную стрелку под ней. Перегнувшись через спинку переднего сидения, он похлопал шофера по плечу. Машина медленно поползла вдоль узкой петляющей дороги, по сторонам которой стояли деревянные домики на низких бетонных сваях. Странное сочетание. Впрочем, не менее странное, чем он сам.

В дни своего отшельничества он записался в книжный клуб Куала-Лумпура и прочитал почти все книги современных авторов, какие там были. Элиот, Грэм Грин, Уильям Сэнсом, Ануй, Сартр, Мориак, Дюамель... Он подавил вздох. Да, теперь и этому конец. С книжками пришлось распрощаться — это для него недоступная роскошь. Невозможно же каждый месяц просить у отца деньги на взносы. Вот он и вышел из клуба.

Шофер притормозил, и машина стала медленно спускаться вниз по склону. Дорога заканчивалась широкой площадью, которую с трех сторон замыкали сборные финские домики современной конструкции, совершенно однотипные, окрашенные в яркие тона. Неужели это и есть отдел найма государственных служащих? Ему всегда казалось, что правительственные учреждения должны размещаться в старинных, потемневших от времени, респектабельных зданиях.

Он вылез из машины и подошел к домику с за решеченными окнами, возле которого стоял англичанин с трубкой в зубах и пачкой бумаг под мышкой.

— Вы на собеседование? — спросил англичанин, вынув трубку изо рта и ткнув чубуком в его сторону.

— Да.

— Тогда, пожалуйста, идите за мной.

После недолгого ожидания в приемной служащий-индеец провел его в комнату, где спиной к ок-

ну сидел толстый человек. Рядом с ним, внимательно его слушающая и грызя карандаш, сидел другой, по-старше.

— Садитесь, садитесь, — сказал тот, что постарше, и снова повернулся к толстяку.

Опустившись на стул, спиной к двери, он подумал: «А удобно ли положить папку с бумагами на стол?»

Перед членами комиссии навалом лежали конторские книги и бумаги; сбоку примостились две мусульманские бархатные шапочки. Набравшись духу, он все же опустил на стол и свою папку.

Тем временем пожилой человек успел положить карандаш и теперь курил сигареты в костяном мундштуке. Толстяк продолжал что-то ему рассказывать, но что — понять было невозможно. Говорил он по-малайски, очень быстро. Пожилой время от времени отвечал ему — тоже по-малайски. Оба смеялись и хлопали себя по бедрам.

Наконец тот, что постарше, откашлялся и сказал по-английски: — Ну так, приступим к нашей беседе.

Он поднял глаза. Члены комиссии приводили в порядок лежавшие перед ними бумаги. Потом они раскрыли какую-то большую книгу и принялись внимательно изучать записи в первой графе.

— Так вы, значит, по поводу... — вопросительно начал пожилой.

— Конторской работы.

— Ваше имя?

Он назвал себя.

— Ага, номер девятый. Ладно. — Пожилой помог толстяку отыскать в конторской книге нужный столбец. — Документы при вас?

Он раскрыл папку, подал свои бумаги и извещение о собеседовании.

Не отрывая глаз от документов, пожилой спросил. — Сколько вам лет?

— В декабре исполнится двадцать три.

— Где вы родились?

— В Куала-Лумпуре.

— А учились?

— В школе при монастыре св. Иоанна.

— А, у монахов, значит, — усмехнулся толстяк.

— Аттестат получили?

— Да, я закончил школу в пятьдесят первом году.

— В пятьдесят первом?

— Да.

Что же он не смотрит в бумаги, они у него перед носом лежат!

— А кроме школьного аттестата есть свидетельства об окончании других учебных заведений? Ученые степени? Дипломы?

— Нет. — Будь у него дипломы и ученые степени, так бы он сюда и пошел. Спросят тоже...

— Школу вы окончили давно. А потом чем занимались?

— Я... я художник.

— Художник? А какой у вас жанр?

— Станковая живопись всех видов — масло, темпера, пастель...

Эти жуткие абстрактные холсты, повернутые к стене... Отец сказал: «Держи свою мазню у себя в комнате. Я не желаю уродовать холл».

— Выставлялись где-нибудь ваши картины?

— Нет.

Три года подряд посылал он свои холсты на ежегодные выставки художников Малайи, но ни один из них так и не был принят.

— Так-так. Ну что ж, продолжим нашу беседу. Почему вы обратились в отдел найма служащих?

— Видите ли, у меня нет никакой специальности, и я подумал, что легче всего начать с конторской работы.

— Значит, вы хотите бросить живопись?

Он молча кивнул. Как будто дело в том, хочет он или не хочет! Просто другого выхода нет.

— Стенографию знаете? На машинке печатать умеете?

— Нет.

— По-малайски говорите?

— Нет. Я малайскому никогда специально не учился — так, знаю базарный жаргон.

— Чтобы работать в конторе, надо хорошо знать малайский. Разве в школе вас не учили?

— Нет.

— А вы не посещаете курсы малайского языка для взрослых?

— Н-н-нет... — Он подумал о деньгах, которые ему пришлось бы просить у отца.

Толстяк рассмеялся. Чиновник постарше стряхнул пепел со своей сигареты прямо на пол; потом, высоко подняв брови, спросил по-малайски: — Сколько вам лет?

— Мне двадцать три.

— Двадцать три — чего? — переспросил пожилой. — Как будет по-малайски «год»?

Год... Как же это... Он судорожно прижал язык к зубам. Как же «год» по-малайски?

— Я... я... не знаю.

— Ну что вы, что вы! Конечно, знаете. Ну как будет «день»? «Неделя»? «Месяц»? Вспомнили? А теперь скажите, как будет «год»?

— Тахун! — выкрикнул он.

Толстяк опять рассмеялся.

— Хорошо. Повторите всю фразу сначала.

Он повторил.

— Так. А сколько у вас сестер и братьев? — снова спросил пожилой.

Братья, сестры... Ах ты, как же это...

Он ответил медленно, с трудом подыскивая слова: — У меня... три... сестры... и два... брата.

Члены комиссии, наклонившись друг к другу, быстро заговорили по-малайски, понизив голоса до шепота. Потом старший записал что-то в конторской книге и снова обратился к нему:

— Итак, вы рисуете. Стенографировать и печатать на машинке не умеете, а что касается малайского, то знаете только базарный жаргон. Ну, а спортом занимаетесь?

— Нет, к сожалению, ни в какие спортивные игры я играть не умею.

— Даже в бадминтон?

— Даже в бадминтон.

— А что же вы делаете, когда устаете рисовать или вам это надоедает?

— Ну, я иногда читаю...

— Что вы читаете? Журналы?

— Нет, журналы меня не интересуют. Мне больше нравятся... — Внезапно он умолк. Что им сказать? Что он предпочитает такие вещи, как «Почтительная проститутка» Сартра или «Орфей спускается в ад» Теннесси Уильямса? Закусив губу, он посмотрел на членов комиссии: тот, что постарше, внимательно разглядывал свои ногти, толстяк вытирал вспотевший лоб.

— Что ж, на этом закончим, — сказал пожилой и надел колпачок на самопишущую ручку. — Пройдите, пожалуйста, в приемную, где вы сейчас были, и попросите сюда следующего. Скажите ему, чтобы не входил, пока не услышит звонка. После этого можете быть свободны. О своем решении мы известим вас позднее.

Он встал. Неужели все кончено?

— Разрешите взять мои бумаги?

— Ах, извините, — вот они, — ответил пожилой. — Да, кстати: не рассказывайте остальным, о чем мы вас тут спрашивали. Нам хотелось бы составить себе точное представление о каждом кандидате.

— Разумеется. — Он вложил бумаги в папку, помедлил, потом тихо проговорил по-английски: — Всего доброго.

Члены комиссии молчали, явно ожидая, когда он наконец выйдет из комнаты.

— Оставайтесь с миром, — громко сказал он им по-малайски.

Они недоуменно взглянули на него.

Он быстро вышел из комнаты и закрыл дверь. До него донеслись их голоса, что-то быстро говорившие по-малайски. Собеседование закончилось.

Дойдя до угла Янг-роуд, он свернул влево и пошел вдоль Джалан-Раджа — главной магистрали Куала-Лумпура. Машины мчались сплошным потоком. Проезжавший мимо грузовик обдал его горячей вонью. Он сморщил нос и отвернулся. Поперек улицы висело полотнище с красной надписью: «Выставка картин малайских художников». Ах да, он еще дома, утром, читал о ней в газете. «Вход бесплатный». Что ж, надо будет зайти, прежде чем возвращаться домой.

Перевела с английского
С. МИТИНА